

Осаждённая, но не сломленная Москва

Отрывок из книги воспоминаний «Молодость военная моя»

Наступил декабрь сорок первого года. Мы, окончившие курсы радистов в Свердловске, ждём отправки на фронт. Ночью нас разбудили...

Военный городок спокойно спит. Строимся и выходим на пустынную улицу Свердловска. До вокзала идём пешком и тихо поём:

Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд.

Куда едем и когда увидимся с любимым городом, никто, конечно, не знает.

В военном эшелоне, но в пассажирском вагоне, едем по направлению к Москве. Нас семнадцать девчонок-радистов. Прибыли в столицу ранним утром. Над городом стоит морозная дымка. Зима сорок первого года выдалась очень холодной. О встрече с Москвой я написала стих:

Крест золочёный звонницы Кремля
Как будто небо синее пронзить стремится.
Привет тебе, красавица моя!
Живи и здравствуй, красная столица!
Не быть врагу в твоих священных стенах,
Не запятнать широких площадей.
Народ свободный — он не встанет на колена
Пред одичавшим выродком людей.
Москва, пройдёшь ты беды, испытанья,
Но ты свободно останешься навек.
До капли крови, до последнего дыханья
За твой покой сразится каждый человек!

Нас привезли в Ворошиловские казармы. Там во время войны проходило формирование многих подразделений. После небольшого отдыха в радиоклассе у нас проверили приём на слух и передачу на ключе. Видимо, решали, кого куда посылать.

На следующий день нашу небольшую группу повели на Красную площадь. Вот тогда мы и увидели впервые Москву военного времени. В те дни она уже была на осадном положении. После войны я где-то прочитала, что немцы подвезли под Москву, в свои войска, два вагона фашистских наград. Ими собирались отметить тех, кто пройдёт парадом по Красной площади. Но, как известно, 7 ноября сорок первого года парадом по Красной площади шли войска нашей Красной Армии. И прямо с площади уходили на боевые позиции.

До сорок первого года я никогда не была в Москве. И вот мы в морозной утренней дымке увидели её, суровую, настороженную. На улицах и площадях — противотанковые надолбы и «ежи», баррикады. У Кировских ворот, в ви-

тринах магазинов — завалы из мешков с песком. Окна домов заклеены бумажными перекрещёнными лентами. Прямо на улицах стоят орудия. А по вечерам в небо поднимаются брюхатые аэростаты заграждения.

Красная площадь и Кремлёвская стена закамуфлированы, раскрашены буро-коричневыми пятнами. Кремлёвские звёзды не красные, а закрытые чем-то зелёным. Все мы были в состоянии какой-то торжественности и тревоги. Постояли напротив Мавзолея. Он, конечно, был во время войны закрыт. Пошли к Спасской башне, посмотреть часы.

И бывают же такие чудеса! У ворот башни стоит солдат-часовой. Смотрю и глазам не верю: мой одноклассник и родственник Виктор Анисимов! Он меня тоже узнал. Но ведь он не имеет права ни словом, ни жестом показать это. Я обалдело смотрю на него. А он поднял голову выше и глаза устремил наверх — ведь он стоял как раз под часами Спасской башни. Я поняла, что надо подождать смены караула. Сопровождающему нас старшине сказала, что это мой родственник.

Пробили часы. Виктора сменили, и мы несколько минут рассказывали друг другу, как оказались в Москве. После десятилетки Виктора взяли в армию, и он служил в кремлёвской охране. И прослужил там до самого выхода в отставку.

Кстати, через двадцать лет после войны, в 1965 году, мы вновь совершенно случайно встретились с ним здесь же, на Красной площади. Мы с дочерью медленно двигались в нескончаемой очереди в Мавзолей Ленина. И вот подошли к ступени входа. В это время пробил час Спасской башни и началась смена караула. Тут, у Мавзолея, проводит смену караула он, мой родич Виктор. И снова, как в сорок первом, мы с удивлением, не проронив ни слова, смотрим друг на друга. Едва заметным кивком головы он показывает влево, туда, где за Мавзолеем расположены могилы. После того как побывали в усыпальнице вождя, мы встретились, постояли несколько минут у кремлёвских захоронений. Тогда он был уже майором. А я — в лёгком летнем платье, а не в солдатской шинели. Война уже ушла далеко. Но сколько бы раз я ни была в Москве в мирное время, всегда мысленно видела столицу трудного сорок первого года и нас, солдат-девчонок...

Нас, радистов, оставили в Москве, разместили в штабе ПВО страны, что был в Уланском переулке. В первый же вечер мы стали свидетелями воздушного налёта. Страшно завывали сирены. По коридорам побежали военные, выкрикивая: «Все — в бомбоубежище!» Оно было в подвале семиэтажного здания штаба. Нас расселили на последнем этаже. Мы с подружкой решили не бежать в убежище, а спрятались под двухъярусной кроватью. Когда в коридорах всё стихло, я осторожно отогнула с окна светомаскировку (свет, конечно, был потушен) и увидела зрелище, которое не забуду никогда. Всё небо Москвы перекрещено лучами прожекторов. К скрещению лучей неслись с земли разноцветные пунктиры трассирующих пуль. Там вертелся самолёт. В свете прожекторов вырисовывались его контуры.

«Ой как красиво!» — таким был мой первый возглас. Но тут же я опомнилась. В голову ударила мысль, что это всё страшно, что в небе Москвы вражеские самолёты и по ним бьют зенитки. Идёт воздушный бой.

Налёты, воздушные тревоги повторялись каждый вечер. Эшелоны вражеских самолётов летели на столицу.

В начале войны в стране была создана чёткая система противовоздушной обороны. В задачу её входила защита крупных городов, промышленных объектов от вражеской авиации. Уже в конце июля 1941 года, когда немецкая авиация начала массированные налёты на Москву, в составе войск, прикрывающих столицу, было 602 самолёта-истребителя, 1044 зенитных орудия, 336 зенитных пулемётов, 8 радиолокационных станций, 618 зенитных прожекторов, 124 аэростата заграждения и свыше 600 постов ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь). Посты ВНОС и радиолокационные станции были размещены вокруг Москвы двумя полосами предупреждения: первая — 200–250 километров от Москвы, вторая — 50–60 километров, на линии Ржев — Вязьма. Командующим войсками ПВО страны был генерал М. С. Громадин.

Наша задача была — принять от постов ВНОС и радиолокационных станций сообщения о приближающихся самолётах противника и передать их в штаб ПВО.

Бой под Москвой в разгаре. Идёт наше контрнаступление. А налёты немецкой авиации — каждый вечер. Когда сирены и громкоговорители извещают о воздушной тревоге, женщины с детьми, старики идут толпами в метро, неся под мышкой свёрнутое одеяло, подушки. Там, на цементном полу, а кому удастся, на скамейках, они проведут всю тревожную ночь. Утром, когда начинают ходить поезда, отправляются по домам. Хорошо, если дом не разрушила бомба или не подожгла «зажигалка».

Мы в Москве. Живём на седьмом этаже в штабе противовоздушной обороны территории страны, в Уланском переулке. У нас две маленькие комнатки: в одной мы, девчата, в другой — парни-радисты. У нас двухъярусные железные кровати. Я — на втором «этаже».

Работаем по двенадцать часов. Наше рабочее место — под землёй. На одной из станций метро в конце платформы — маленькая дверь. Открываем её, спускаемся вниз по узкой бетонной лестнице. Ступенек не очень много, но и не мало. Ведь над нами спокойно проходят поезда метрополитена.

Вот и наш рабочий кабинет. Это маленький каземат или «карцер», короче — каменный мешок, сырой и тёмный. Ну, конечно, для нас он освещён. Есть электрическая лампочка. На деревянном столе — два радиоприёмника, у каждого ключ. «Каземат» обогревается «козлом» — примитивным приспособлением из какого-то, наверное, огнеупорного цилиндра, обмотанного проводом. Цилиндр установлен на ножках. Провод накаливается докрасна и подаёт тепло. Но, глядя на него, мы всё время опасаемся, как бы ненароком не задеть это сооружение и не обжечься.

Воздух тяжёлый. И когда, после двенадцатичасового дежурства, выходим из этого подземелья, глотаем, как полузадохнувшиеся рыбы, воздух улицы.

Работаем по двое. Передаём и принимаем радиограммы. Из штаба — в войска. Из войск — в штаб. О чём они? Хотелось бы знать. Но все тексты, естественно, зашифрованы в цифры. И корреспонденты наши тоже зашифрованы, обозначены номерами.

Только короткие радиограммы с грифом «воздух» («взд») мы можем частично понять, потому что в них цифрами даётся количество немецких самолётов, которые летят на Москву, а также их тип: «Me-110» — «Мессершмитт»,

«Хе-111» — «Хейнкель», «Ю-88» — «Юнкерс». Эти радиogramмы надо принять и без задержки передать в штаб.

Конечно, волнуемся. Значит, в Москве опять воздушная тревога. И готовятся встретить врага лётчики-истребители, зенитчики, прожектористы. Поднимаются в небо аэростаты заграждения. Значит, и от нас, радистов, зависит то, как вся эта система обороны Москвы придёт в боевую готовность.

А на наших радиоволнах свирепствуют «вьюги»: визжат «пилы», жужжат, скрипят какие-то агрегаты, трещат трещотки, создавая нам помехи.

На нас работает передатчик широковещательной радиостанции «Коминтерн», что находится в Шаболовке. Кажется, он гудит на весь мир, захватывает широкую волну. Но враг знает этот голос и всеми возможными средствами старается забить его. Каждую цифирку радиogramмы вылавливаем, отстраиваясь от помех, меняя волну.

Двенадцатичасовое дежурство закончено. Восемь утра. Выходим из подземного «кабинета» на платформу. Поезда метро идут. Значит, Москва живёт. Едем до Красных ворот, а там в свою комнатку в штабе. Кормимся, отсыпаемся и — снова в подземелье. Под Москвой идут бои, и у нас нет передышки.

На улицах порядок, в столице спокойно. Как будто и не было вечером налёта и не ревели тревожно сирены.

Что меня удивляет в сегодняшней Москве? Это — строжайшая дисциплина. Попробуй на улице не поприветствовать старшего по званию — остановят, заставят вернуться и сделать то, что положено по Уставу. Расстёгнутый ворот гимнастёрки, зашитая на спине шинель у рядового — уже повод остановить, а то и в комендантуре заставить маршировать часа два. Вроде бы придирки к мелочам. Но подумаешь и согласишься: с расхлябанностью в одежде идёт и расхлябанность в поведении. Тут нарушил Устав, а там не выполнил приказ. А ведь это война.

Правда, иной раз мужчины-военные специально останавливают девчонок-солдат, чтобы насладиться их смущением. Однажды в штабе, поднимаясь на седьмой этаж (лифта ведь не было), я по дороге устала всем «kozyрять» и одного капитана решила «не заметить». Он меня окликнул:

— Старшина, почему не приветствуете?

— Извините, не заметила, — бодро вру я.

— Вернитесь на третий этаж и поприветствуйте.

Он остановился на лестничной площадке четвёртого этажа. Я послушно преодолела два пролёта вниз и... убежала по коридору третьего этажа к другой лестнице. Думаю, что капитан тоже не стал меня дожидаться. Улыбнулся да и пошёл дальше. Важно то, что я не ослушалась его.

17 января 1942-го. Только что вернулась с ночного дежурства. В ушах ещё писк «морзянки», устала, радиogramм было много. Хорошо бы сейчас получить письмо из дома или от Коли, вдохнуть мысленно воздух родного Урала.

Как там мои родители? Остались дома мама, папка, сестра Валя с крохотным сыном и Лёра — младшая сестра. Муж Вали с первого дня на фронте был, и вот сообщили, что погиб. Наш сосед и друг Дмитрия Николай Козлов был с ним вместе в одном бою и видел, как Дмитрия скосило. Брат Александр — на Дальнем Востоке, в Де-Кастри. С горечью пишет мне, что вот сидит там «на за-

дворках», а война идёт на западе. И тут я, девчонка. Рвётся на Западный фронт. Но начальству виднее, кого куда послать. Он — снайпер.

Я ждала письма от Коли, хотя не была уверена, получил ли он моё. Ведь пока нас в Москве определили, пока я написала ему, прошло больше месяца. Его могли уже отправить.

31 января. Вчера получила письмо от Николая. Тёплое, ласковое письмо. Пишет, что он меня любит. 1 февраля он заканчивает учёбу. Куда его отправят?

К сожалению, это первое письмо оказалось единственным. Нас перевели из Москвы в Вешняки. Его с курсов уже отправили. Почему мы не взяли адреса наших родителей? Не знаю. Война ставила много вопросов, на которые не было ответа. Мы потеряли друг друга. Наша чистая солдатская любовь испарилась, не начавшись.

В детстве, помню, мечтала я увидеть Москву.
Годы шли. Подростала. Сбылся сон наяву.
Только радость той встречи опалило войной,
Ослепило картечью. Враг стоял под Москвой.
А Москва — в сапогах и в шинели военной.
В маскхалате защитном Кремлёвские стены.
Брюхи аэростатов. Трассы пуль над Москвой.
И солдаты, солдаты... Прямо с площади в бой.
Ловим звуки войны мы, девчонки-радисты,
Под стенами Москвы, неприступной и близкой.
Тонок голос «морзянки». Тонок, словно струна.
Но в окопе, в землянке трель «морзянки» слышна.
По сигналам «морзянки», тем, что мы принимали,
Шли в сражения танки, самолёты взлетали.
Навсегда нам осталась память огненных лет,
Как «морзянка» вплеталась в песни наших побед.

Это стихотворение я посвятила событиям памятного сорок первого года в Москве.

В Москве мы работали месяца два. В начале февраля 1942 года нас привезли в Вешняки — небольшой дачный посёлок в нескольких километрах от Москвы, по Ярославской железной дороге. Улица Пушкина, дом номер 7. Там мы высадились. Вокруг пустота, тишина. Видимо, дачники бывают тут только летом, а те, кто живёт постоянно, эвакуировались вместе с москвичами, когда столица была объявлена на осадном положении. Хозяева нашей дачи, очевидно, в их числе. А мы, девчонки, приехали защищать столицу, и нам предоставили эту пустующую дачу.

Дача деревянная. Просторная веранда, большая комната, которую можно назвать гостиной. Сбоку печка «голландка», в комнате стоит пианино, в книжном шкафу много книг. Видимо, хозяева дружили с литературой и с музыкой. Кроме большой комнаты — две поменьше. Там нас разместили, поставив железные двухъярусные кровати. Верхний этаж представляет маленькая «светёлка», где обосновались два наших техника-лейтенанта и старшина-хозяйственник. Есть ещё чуланчик, который мы называли «каптёрка» и в котором старшина хра-

нит в бутылки водку, которую выделяют нам в форме «боевых ста грамм». Но поскольку никто из нас, девчонок, этим подарком правительства не пользуется (не было у нашего поколения этой моды), то бутылки открывают и используют только наши начальники. Правда, где-то летом сорок второго эту «лафу» отменили. Девчатам стали давать махорку (пачку на месяц). Но мы, увы, и не курили. Махорку меняли на рынке на стакан семечек. А где-то в сорок четвертом нам стали давать шоколад (три плитки стограммовых на месяц). Ну уж это мы с удовольствием уничтожали сами.

Итак, нас поселили на даче. Она явно не была приспособлена к морозам. Печка грела только тогда, когда топилась. Мы замерзаем. Решили спать по двое: две шинели и два солдатских одеяла всё же согревают. А когда утром выскакиваем из кроватей, пробирает дрожь. Вода в вёдрах замерзает. Да и воду-то достать негде, приходится растаивать снег. Дров тоже для нас не запасли. Пришлось заготовливать самим, утопая по грудь в снегу, где-то в близлежащем лесу. После этих походов оттирали руки и ноги водкой из «каптёрки».

Согреться можно только тогда, когда дежуришь на радиостанции. На территории участка небольшой домик, там печь с плитой. Видимо, была летняя кухня. Тут нам поставили два приёмника, телеграфные ключи.

Тут тепло. Принимаем радиограммы о налётах вражеской авиации (ведь немцы продолжают каждодневные налёты), дежурим в две или три смены. После короткого отдыха тренируем руку и слух, приём и передачу. Потом по очереди охраняем свою радиостанцию. Причём винтовки нет (она нужна на передовой). А у нас на поясе нож (подобие морского кортика, но гораздо шире).

Тяжело стоять на посту, особенно ночью. Уханье зениток, гул самолётов, словно они летят на тебя. Очень холодно. Зима сорок первого — сорок второго выдалась небывало морозной. В шинельке и сапогах не очень-то уютно, а тьма кругом тьмущая. Нигде в посёлке ни огня. Страшно. Однажды ночью обхожу свой участок и слышу: в другом конце, в кустах, кто-то шевелится. Кто же? И что мне делать? Молчу, но размышляю так: затаюсь, а если подойдёт близко — всажу нож в спину. А как — смогу ли я, хватит ли силы? Но всё-таки решаюсь крикнуть: «Стой, кто идёт? Стрелять буду!» Слышу знакомый голос нашего воентехника: «Кто дневальный?» Ну, всё в порядке, врагов нет. Можно спокойно обходить территорию. Хотя ноги примерзают к сапогам, мороз щиплет нос и щеки. Руки тоже леденеют.

9 февраля. Один день похож на другой. Дежурство на радиостанции восемь часов. Работаем в три смены. Потом отдых, занятия то по уставам, то тренировки по приёму и передаче «морзянки», охрана радиостанции...

Так вот и просидим тут всю войну. Вот девчата с фронта прислали письмо. Там видны сразу результаты твоей работы, кому ты помог. А тут ничего не знаешь: кому послал, от кого получил радиограмму и о чём там сообщалось. Неинтересно. Хочется на фронт. Как жаль, что меня не отправили с курсов вместе с девчатами из нашей пятой роты, из нашего горного института.

У нас нет ни продуктов, ни кухни. Питаться будем в соседнем зенитном полку. Вот старшина выстраивает нас, семнадцать девчонок, в колонну по два,

2-е радиокорсы, г. Свердловск,
август 1941 года.

В первом ряду слева направо:
Люся Мутовкина, Нина Релина,
Женя Ипанова. Во втором ряду:
Оля Степанова, Нина Малышева.

Радистки и лётчики.
20 июня 1942 года,
пос. Вешняки.

Старшина Нина Релина,
радист 1-го класса
87-го отдельного полка связи,
в день вручения ей медали
«За боевые заслуги».
Март 1943 года.

Нина Валериановна Релина
у дерева, посаженного ею
в 1985 году, в год 40-летия Победы.
Благовещенск, Аллея Памяти,
2005 год.

командует: «Шагом марш!» и «Релина, запевай!» Окрылённая предвкушением обеда, бодро запеваю, а девчата подхватывают:

Пролетают кони,
Да шляхом каменистым.
В стремени привстал передовой.
И поэскадронно бойцы-кавалеристы,
Подтянув поводья, вылетают в бой.

В бой за Родину, в бой за Сталина.
Боевая честь нам дорога.
Кони сытые бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага.

Это одна из наших любимых песен, под неё легко шагать. С песней проходим весь посёлок. Потом ещё идём пустырём. Поём другие песни. До полка, наверное, больше километра, так что успеваем спеть не одну. Столовая — большой деревянный сарай, видимо, наскоро построенный с началом войны. Деревянные неотёсанные столы, такие же скамейки.

Только разлили по мискам суп, как в столовую нагрянула целая толпа зенитчиков. Сбежался, наверное, весь свободный от дежурства и орудий полк. Ребята окружили наш стол. «Кто такие? Откуда взялись? Нет ли землячек?» — засыпали они нас вопросами. Впервые увидели девчонок-солдат. Поесть нам, по сути, не удалось. Так, похватали через пятое на десятое. У выхода за ворота мы выстроились, ребята кричат нам: «Приходите ещё!» Конечно, мы стали приходить каждый день — те, кто не на дежурстве на радиостанции. А дежурным приносим еду в ведре.

И каждый раз, когда приходим в столовую, зенитчики окружают нас, стараются поговорить. Молодые ведь ребята. А девчонок у них в полку нет.

Побыли в Вешняках недолго — примерно с полмесяца. Опять нас привезли в Москву. Опять — в подземелье, за приёмники.

15 февраля 1942 года. Мы снова в Москве. Но почему-то нет работы. Уже семь дней отдыхаем. Надоело. Какой здесь толк от нас? Только хлеб едим. Хочу на фронт. Вон о девчатах и их подвигах пишут в газетах, журналах, а мы тут сидим без дела. Конечно, на фронте трудно, но зато польза конкретная. Поговорю с комиссаром. Может, все же удастся попасть на фронт. На первую линию.

Битва под Москвой, по сути, завершилась, немцев разбили. Сейчас и у них, и у нас, видимо, идёт перестановка сил. И пока не знают, куда нас лучше определить. Ходят слухи, что нас опять будут отправлять в Вешняки. В Москве хоть иногда дают увольнительную и можно сходить в кино. В штабе иногда бывают концерты. Короче, и там и тут свои преимущества и свои минусы.

18 марта мы снова в Вешняках. Как обычно, работа в три смены. 30 марта заступили на дежурство в ночь. Работы очень много, так как был воздушный налёт. Голова идёт кругом от шума в ушах и от мысли, что немцы всё-таки не успокоились и на Москву летят.